

Влас Михайлович Дорошевич

П. Н. Дурново

Влас Михайлович Дорошевич

П. Н. Дурново

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22122706

Аннотация

«П. Н. Дурново и В. К. Плеве кончили один и тот же университет.

И тот и другой прошли департамент полиции.

Кто сделает хорошую характеристику г. Дурново, – напишет отличный некролог Плеве. И чтоб иметь биографию г. Дурново, надо взять добросовестный некролог фон Плеве...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

16

Влас Дорошевич

П. Н. Дурново

Да, Флоридор есть Селестен!

А Селестен есть Флоридор.¹

П. Н. Дурново и В. К. Плеве кончили один и тот же университет.

И тот и другой прошли департамент полиции.

Кто сделает хорошую характеристику г. Дурново, – напишет отличный некролог Плеве. И чтоб иметь биографию г. Дурново, надо взять добросовестный некролог фон Плеве.

Это два рубля, вычеканенные на одном и том же монетном дворе.

Едва севши на обрызганное кровью кресло министра внутренних дел, Плеве пригласил к себе корреспондента парижской газеты «*Matin*»² и через него объявил всей Европе:

– Эпидемия убийств высших сановников зависела у нас от недостатка полиции. Теперь состав полиции будет увеличен. Покойный Сипягин был последним. Больше в России не случится ни одного политического убийства.

Так говорил человек, которому самому суждено было погибнуть от руки политического убийцы.

¹ «Мадемуазель Нитуш».

² фр. *Le Matin* – «Утро».

Если в тот страшный миг, когда Сазонов, на глазах Плеве, подбегал к карете с поднятой бомбой, – в голове фон Плеве успела пронестись хоть одна мысль, – эта мысль, наверное, была:

– Чего смотрит полиция?

И если душа человека, оставляя эту юдоль печали, могла бы судить, – душа фон Плеве и в эту минуту обвинила бы, говоря полицейским же языком, в происшествии не страшную политику, озлобляющую умы и сердца, не политику, вкладывающую бомбы в те руки, которые охотнее держали бы мирное перо, не террор, вызывающий террор, – а только того беднягу охранника-велосипедиста, который налетел на Сазонова слишком поздно.

– Плохо ездит на велосипеде, – оттого всё и случилось.

Должен был вовремя налететь.

Тащить и не пускать.

Полицейский может видеть истинные причины...

В Полтаве вспыхнули беспорядки.

Заехав в Троице-Сергиеву лавру, словно он был Димитрий Донской и ехал воевать против татар, а не русских же людей...

Лавра не дала ему только Пересвета и Осляби.

У Плеве был князь Оболенский.

Заехав в Троице-Сергиеву лавру, фон Плеве проехал в Полтаву и, посетив поля битв, вот какое вынес убеждение.

Его собственные слова:

– В Полтавской губернии аграрные беспорядки? Ничего нет удивительного. Явление естественное.

«Арифметически неизбежное».

– В Полтавской губернии столько же душ населения, сколько десятин земли. По десятине приходится на душу. При нашей обработке земли десятины только-только хватает «душе», чтобы не умереть с голоду. А в Полтавской губернии находятся самые крупные частные поместья. Сочтите же, посколькy остаётся на душу населения!

Следовательно, что же?

Нужно выселить избыток населения в какие-нибудь местности, подходящие по климату, по земле, к привычной «полтавщине».

Например, на свободные земли на Кавказе?

Надо войти в соглашение с крупными частными владельцами, не продадут ли они, через крестьянский банк, на человеческих условиях, избытки своей земли нуждающемуся в ней оставшемуся населению? Выяснить им, что это необходимо в интересах их же безопасности?

Нет.

Так, приблизительно, показалось бы всякому.

Но фон Плеве – бывший директор департамента полиции. Следовательно...

– Следовательно, необходимо создать институт деревенской полиции, чтоб она следила за агитаторами!

Это естественно и это логично.

Отрицать всемогущество полиции для полицейского – самоубийство.

Полицейский может даже видеть, что он ошибается.

Но...

Фон Плеве, заявлявший, что с увеличением полиции:

– Больше в России не будет ни одного политического убийства.

Потом меланхолически говорил:

– Я знаю день, в который меня убьют. Это будет в один из четвергов. В четверг я выезжаю для доклада.

И... И Сазонов не мог ошибиться, в которую из карет бросить бомбу.

Ехало несколько карет.

Ему оставалось только выбрать ту, которую окружали велосипедисты.

Полицейский может быть охвачен даже хорошими намерениями.

Но он не может остановиться.

«Нечто полицейское» влечёт его как рок.

Даже по тому пути, который он считает ошибочным.

Получив наследство после Сипягина, даже фон Плеве нашёл...

Быть может, даже с отвращением:

– Слишком много народа по тюрьмам.

И кто, – я говорю о тех «счастливых» временах, – больше сажал, как не Плеве?

И что Плеве другое делал всё своё правление?

Когда умер Плеве, тюрьмы оказались вдвое больше переполненными, чем при Сипягине.

Есть вещи, прямо недоступные полицейскому уму.

Фон Плеве выражал своё глубокое изумление «либеральным» предводителям дворянства:

– Удивляюсь, господа, с какой стати вы принимаете участие в движении? Вы – господствующее сословие. Разве вам живётся плохо?

Разве вам не слышится в этом околоточный надзиратель, который говорит «чисто одетому» господину, вступившемуся за бабу, которую бьют:

– Проходите, господин! До вас не касается.

Полицейскому уму никак не понять, что нельзя есть с аппетитом, если стена об стену со столовой помещается застенок:

– Ведь не вас секут, вы и кушайте!

Он говорит это с совершенно искренним убеждением.

– Я хочу достойного человеческого существования! Вы понимаете: не просто существования! А достойного! – вопит обыватель.

Полицейский искренно изумлён:

– Городовой, который на перекрёстке стоит, хоть вы и штатский человек, вам под козырёк делает! Какого же ещё достойного существования вы, господин, требуете? Прямо, – почётное даже вам предоставлено!

Требовать от полицейского, чтобы он разобрался в таких «деликатностях»!

Принимая покойного Н. К. Михайловского, фон Плеве «похвалил» знаменитого публициста:

– Мы вам благодарны. Вы оказали нам услугу борьбой против марксистов.

Он не хотел обидеть Михайловского.

Он хотел ему доставить удовольствие:

– Похвала всегда приятна!

А бедный Михайловский, быть может, в эту минуту охотно вычеркнул бы всё, что он написал против марксистов, чтоб только не слышать этой похвалы и из этих уст.

Полицейский, при обыске у вас, брезгливо, двумя пальцами, берёт лежащие между листами книги засохшие цветы:

– Это что за дрянь?

– Это цветы с могилы моей матери! – весь дрожа от негодования, говорите вы.

Он считает долгом пошутить:

– А не с могилы какого-нибудь повешенного?

– Оставьте! – кричите вы, едва сдерживаясь.

Он смотрит на вас с удивлением:

«Чего взбеленился?»

И кладёте цветы обратно.

Один листок прилип к его пальцам, – особенность всего прилипать к полицейским пальцам, – он машинально перетирает засохший листок между пальцами и продолжает

обыск.

Он и не заметил, как пальцем задел и ковырнул у вас в душе.

Есть вещи, которые недоступны полицейскому уму.

Полицейский всё и вся судит только с полицейской точки зрения.

Это естественно.

Профессиональная точка зрения.

Вы говорите доктору:

– Тяжело что-то! Работать не могу. Не только работать, – жить на свете не хочется!

Он машинально говорит вам:

– Покажите язык.

Над страной разразилось величайшее бедствие, какое может разразиться над страной.

Война.

Одни, – их немного, у полиции нет достаточно средств, чтоб уж очень многим платить по полтиннику, – одни ходят по улицам и вопят:

– Ура! Бить япошку! Бить макаку!

Другие смущённой душой молят, как в страшный час Гефсиманского моления:

– Отче! Да минует нас чаша сия!

Истинно страшная, Гефсиманская, ночь первой атаки Порт-Артура.

Будет война или не будет?

Третьи, вспоминая Севастопольскую Голгофу и воскресение после неё России, говорят:

– Да, да минует нас чаша сия. Но да будет, Отче, так, как Ты хочешь, а не мы. И будет Голгофа, и будет страшная крестная смерть, – и наступит пресветлое и радостное воскресение. Там, на скалах Артура, как на Голгофе, распята будет Русь и, искупив своей кровью грехи других, воскреснет новая, сияющая, ликующая. Веруем, что воистину воскреснет!

Все были сметены.

Все души потрясены.

Один полицейский оставался спокойным.

И фон Плеве находил, что данное «происшествие» «весьма удобно» в полицейских видах.

Будут горы трупов и реки крови.

– Но это отвлечёт от внутренних беспорядков!

Марат был не жалостливый человек.

Но и Марат остановился бы перед такими дымящимися горами человеческих трупов и перед такими реками горячей крови.

Наполеон не высоко ценил человеческую жизнь.

Но если бы ему предложили сотнями тысяч человеческих жизней и неисчислимыми человеческими страданиями купить не трон, не владычество над миром, а только «тишину и спокойствие», – он с отвращением пожал бы сутулыми плечами.

Но один – «кровожадный сумасшедший». Другой – гений, считающий себя сверхчеловеком.

Полицейский чувствует себя совершенно спокойно.

Пожар?

Надо тушить.

Чем? Воды!

– Не трогайте! Это святая вода!

Для полицейского нет святой воды.

– Лей!

Водой или кровью:

– Но пожар полагается тушить!

Таков «устав его рыцарства»:

– Чтоб царствовала тишина и спокойствие.

А какой ценой – полицейскому безразлично.

Полицейские не задумываются.

Не даром их любимое слово:

– Не рассуждать!

Страдания родины потушить в её крови!

«Гуманные» пули, шрапнель с её какими-то «вертящимися стаканами», снаряды, начинённые шимозой, – всё это уносит тысячи, десятки тысяч жизней.

Раненые без перевязки. Истекают кровью. Медицинская помощь недостаточна.

Земства, другие общественные учреждения, – все, в ком есть душа, снаряжают санитарные отряды.

Полицейский, фон Плеве, говорит:

– Нельзя.

На улице раздавили человека.

И подоспевший бравый околоточный говорит толпе:

– Проходите! Проходите! Чтоб не было скопления публики!

Для него главное:

– Чтоб не было скопления публики!

– Да мы хотим помочь!

– Проходите! Говорят вам! Не скопляйтесь, не скопляйтесь, господа!

«Скопление публики». «Могут произойти беспорядки».

Что для фон Плеве стоны, кровь, смерть тысяч раненых?

Его беспокоит полицейская мысль:

– Общественная организованная помощь. Никаких общественных организаций не должно быть допускаемо...

В своём «университете», департаменте, он воспринял:

– Общественные организации опасны. Для предупреждения революции надо, чтобы общество не умело организоваться.

Как околоточный надзиратель в своей гимназии, участке, выучил наизусть:

– Скопления публики не допускаются. От этого могут возникнуть беспорядки.

– Да мы же хотим помочь! Помочь только! Есть у вас душа?!

– Помогать – дело начальства. Можете через начальство.

А самой публике в происшествие вмешиваться не полагается.

Желаете помочь:

– Вот участок!

У полиции тоже есть фантазия.

И эта фантазия достаточно фантастична!

Идеал обывательского существования в полицейской фантазии:

– Обыватель, обуреваемый высокими чувствами, идёт угасить их в участок. Приходит и, как на духу, исповедуется своему приставу: «Люблю свою родину!» Пристав отвечает: «Через участок можно!» – «И желаю ей помочь». – «Через участок и это дозволяется». – «Вот рубли от чистого сердца». – «Отлично. Сидоренко, возьми книгу „Любящих своё отечество“ и запиши: „От обывателя, имярек, в пользу раненых внесено пятьдесят копеек“».

– Позвольте, как...

– А ежели вы патриот, то и не скандальте в участке. Сделали доброе дело и проходите. Вы свободны! А будете восставать против существующих властей...

Как понять полицейскому, что нельзя любить родину через участок, как нельзя, например, целовать свою жену при посредстве околоточного надзирателя?

– Вот вы с нами знаться не хотите. А хорошие люди полицией никогда не брезгуют! – говорил писателю г. Тану полицейский в Саратовской, кажется, губернии, когда г. Тана вёл

связанным в город.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.